

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО М. В. ЛОМОНОСОВА

Обзор С. Чернова

Трудами Г. А. Князева и Л. Б. Модзалевского, в Архиве Академии Наук СССР сосредоточено основное для всякого исследователя собрание рукописей М. В. Ломоносова. Рукописями, собранными в означенном собрании, все рукописное наследие великого ученого, научного организатора, писателя, художника-мозаиста и поэта, однако не исчерпывается. Мы знаем ряд архивных фондов, не входящих в состав коллекций Академии, в которых находятся рукописи М. В. Ломоносова: таковы, например, фонды Сената¹, канцелярии и конторы строения собственных ее императорского величества домов и садов², мануфактур-коллегии³, Академии Художеств⁴, Министерства иностранных дел⁵ и др. Кроме того, отдельные рукописи М. В. Ломоносова или с ним связанные находились ранее и ныне находятся в архангельском Городском Публичном Музее, в московской Публичной Библиотеке им. В. И. Ленина, ГАИМК, Ленинградской Публичной Библиотеки и других хранилищах. Возможно, что рукописи М. В. Ломоносова и в наши дни еще хранятся в частных собраниях; так например, кажется до сих пор не имеется сведений о поступлении в какое-либо государственное или общественное хранилище немецкого письма М. В. Ломоносова, находившегося в 1911 г. в собрании П. Л. Вакселя и им представленного на выставку Академии Наук «Ломоносов и Елизаветинское время». Но при всем том надо считать, что основное богатство уцелевших от гибели рукописей М. В. Ломоносова ныне сосредоточено в Архиве Академии Наук.

М. В. Ломоносов умер 4 апреля 1765 г., и можно сказать, что почти тотчас же после его смерти его бумаги были опечатаны. Об этом мы знаем из письма И. И. Тауберта к Г. Ф. Мюллеру, о котором ниже, и академического «дела» о возвращении по принадлежности в соответственные академические учреждения принадлежащих им «книг, писем и инструментов».

По смерти Ломоносова канцелярия Академии поручила «профессорам» С. Котельникову и С. Я. Румовскому и секретарю М. Гурьеву «отобрать надлежащие до Академии книги, письма и инструменты, находящиеся у покойного статского советника Ломоносова», «были в его доме 11 числа» апреля и «уведомились изушно от самой госпожи статской советницы Ломоносовой, что все письма с прочими вещами запечатаны печатью его сиятельства графа Григорья Григорьевича Орлова, по Высочайшему соизволению Ее Императорского Величества Всемилостивейшей.. государыни»⁶.

Мы ничего не знаем ни о распечатании бумаг и прочих вещей, которыми интересовалась канцелярия Академии, ни об их разборе. Знаем только, что повидимому вскоре после смерти Ломоносова и их опечатания «оставшиеся после него бумаги» «выпросил у вдовы его» фаворит императрицы и его новый и последний покровитель гр. Гр. Орлов. Трудно догадаться, что руководило Орловым, когда он «выпрашивал» у вдовы бумаги М. В. Ломоносова, с которыми видимо та—судя по слову «выпросил»—не хотела расставаться и неохотно рассталась, явственным образом лишь уступая просьбам отдать их человеку, имевшему если не власть, то во всяком случае достаточно фактической возможности их взять. Судя по тому, что рассказывает об Орлове акад. Я. Я. Штелин, сохранивший нам в одном словечке ясный намек на вынужденность передачи вдовою Ломоносова бумаг мужа всесильному временщику, можно пожалуй строить некоторые догадки, а именно: автор говорит: «граф Орлов... поручил секретарю Козицкому привести их», т. е. бумаги Ломоносова, «в порядок и положить во дворец своем, в особой комнате». Получается такое впечатление, что, во-первых, бумаги Ломоносова остались после него в бес-

порядке или были в этот беспорядок кем-то приведены, например его наследниками, во-вторых, что гр. Орлов, вероятно тотчас же по их получении, «поручил» своему главному секретарю их разобрать и поместить в особой комнате, т. е. проявил большую о них заботу и вместе с тем оказал покойному Ломоносову знаки особенного внимания и почета. Приглядываясь ко всему тому месту воспоминаний Штелина о Ломоносове, из которого взята приведенная выше цитата, видим, что автор хочет особо подчеркнуть уважение, которое оказали Ломоносову первые вельможи России: так канцлер гр. М. Л. Воронцов «воздвигнул ему... на его могиле» «памятник из белого мрамора», а камергер гр. А. П. Шувалов «напечатал на его кончину прекрасную оду на французском языке, в которой были превознесены заслуги Ломоносова и унижены зависть и коварство Сумарокова». И рядом с ними гр. Гр. Орлов, первый после императрицы человек в государстве, организовал особое хранилище рукописей Ломоносова...

И все же, всматриваясь в известие Штелина, испытываешь недоверие к его рассказу об Орлове и проявленном им уважении к Ломоносову. Дело в том, что на этом известии Штелина и кончаются все наши сведения об устроенном Орловым хранилище Ломоносовских рукописей. В этом смысле чрезвычайно показательно, что его никто и никогда не описал ни в прозе, ни в стихах ни из русских, ни из иностранных гостей и прихлебателей Орлова; нет даже сведений, чтобы его кто-нибудь видел, хотя немало людей перебивало во «дворце» и дворцах Орлова во дни его величия и славы. Почему же Орлов в скрытом виде и тайно оказывал Ломоносову знаки своего уважения—в комнате, в которую он никого и никогда не пускал?

Недоумения, о которых идет речь, поддерживает еще одно обстоятельство, само по себе представляющееся пожалуй совершенно непонятным. Дело в том, что в конце 1765 и начале 1766 г. Академия Наук была озабочена напечатанием гравированных рисунков северного сияния, которое Ломоносов наблюдал в Петербурге. «Доски уже» были «гридированы», и оставалось «припечатать сочиненное на российском языке покойным г. статским советником Ломоносовым описание и изъяснение досок с латинским переводом и приложением гридированных рисунков», между тем в распоряжении Академии не оказалось «описания и изъяснения» Ломоносова к «доскам»; при таких обстоятельствах казалось естественным обратиться за ними к вдове Ломоносова или гр. Орлову, который к этому времени уже переправил к себе «Ломоносовские манускрипты». Однако канцелярия Академии не пошла таким простым и самоочевидным путем, а предложила конференции поручить «одному из академических членов сочинить описание к рисункам» Ломоносова, хотя конечно и знала, что из всех «академических членов» он «единственно» наблюдал то северное сияние, «рисунки» которого сам и исполнил, и что таким образом ни один из его товарищей не сможет по-настоящему составить требуемое «описание». Конференция конечно никак не могла принять такого предложения канцелярии, более того: видимо на нее обиделась; по крайней мере в ее ответе конференци-секретарь тот же Штелин писал: «А предложение канцелярии Академии Наук в присланном в академическую конференцию указе, чтобы один из академических членов сочинил описание к рисункам, наблюдаемым единственно покойным г. Ломоносовым и им нарисованным северным сияниям, почитает академическая конференция за шутку, ибо то совсем невозможно»⁷. Отказываясь от предложения канцелярии, конференция указывала, что окончит работы по изданию гравированных рисунков северных сияний, «как скоро она только получит... от вдовы покойного г. статского советника или от его сятельства г. генерал-фельдцейгмейстера, графа Григория Григорьевича Орлова, у которого теперь находятся Ломоносовские манускрипты», «российский подлинник» Ломоносовских «описания и изъяснения досок». Получив такой ответ конференции, канцелярия тотчас же обратилась через академического архивариуса Ю. Унгебауера к вдове Ломоносова с запросом, «не найдется ли между остающимися после его манускриптами Описания о наблюдаемом им и при Академии на меди гридированном достойного примечания северном сиянии». Та сообщила Унгебауеру, что «все оставшиеся после покойного мужа ее манускрипты отдала его сятельству господину генерал-фельдцейгмейстеру графу Григорию Григорьевичу Орлову, и ей безизвестно, в числе оных находится ли помянутое описание или нет», о чем Унгебауер 27 января 1766 г. уведомил канцелярию⁸. Кажется бы, теперь академической канцелярии оставалось одно: обратиться с тем же вопросом, с которым она обращалась к вдове своего сочлена, к гр. Орлову, но она этого не сделала ни тогда, ни когда-либо позже. В результате «Описание», без которого было невозможно издавать гравированные рисунки, так и не поступило в Академию, а сами рисунки так никогда и не были ею изданы.

Не показывает ли это, что канцелярия прекрасно учитывала невозможность обращения к Орлову с просьбой отыскать нужную ей для ее ученого издания рукопись Ломоносова? Но если так, можно ли думать, что гр. Орлов был простым ценителем и коллекционером Ломоносовских бумаг?

В связи с этим приобретает особое значение замечание И.-И. Тауберта в письме к Г.-Ф. Миллеру о смерти Ломоносова: «На другой день после его смерти граф Орлов велел приложить печати к его кабинету. Без сомнения в нем должны находиться бумаги, которые не желают выпустить в чужие руки»⁹.

Повидимому дело обстояло так: тотчас после смерти Ломоносова его кабинет был опечатан по распоряжению самого гр. Орлова—вероятно в силу тех самых соображений, о которых писал Миллеру Тауберт; тогда же перед правительством стала дилемма в определении судьбы Ломоносовских бумаг: можно было—и так поступали раньше, например при смерти акад. Г.-Ф.-В. Юнкера,—либо назначить

*Космическая
Восточная*

РОССИЙСКАЯ ГРАММАТИКА

МИХАИЛА ЛОМОНОСОВА

ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ

При Императорской Академіи Наукъ
1755 года.

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА „РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКИ“ ЛОМОНОСОВА
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ

Институт Книги, Письма и Документа, Ленинград

для разбора Ломоносовских бумаг комиссию смешанного состава из представителей правительства и Академии, либо под тем или другим благовидным предлогом самому правительству взять себе все бумаги Ломоносова.

Последнее и было сделано под личиной красивых поз и жестов гр. Орлова: он взял себе как меценат («выпросил») все Ломоносовские бумаги,—по словам Новикова, за плату, купив их вместе с библиотекою Ломоносова; по его распоряжению их разобрал хорошо знавший академические дела и обстоятельства Гр. Козицкий и сделал недоступными в особом хранилище семейного характера. Неясно, почему правительство избрало именно такой путь. Но можно думать, что оно стало на него, предварительно несколько познакомившись с Ломоносовскими бумагами, в которых личное так сильно переплеталось с актуальными политическими вопросами живой современности, и в которых было очень много такого, что в XVIII в. считалось государственною тайной и разглашение чего подводилось под государственное преступление... И возможно, что под влиянием живого впечатления от непосредственного знакомства с бумагами Ломоносова окрепла, а может быть и родилась мысль взять их все себе, целиком, не разрознивая.

К сожалению мы столь же мало знаем и об их дальнейшей судьбе. Рассмотрим некоторые имеющиеся о них сведения.

А. Вельтман в предисловии к напечатанным им бумагам М. В. Ломоносова, сказав, что Ек. Ник. Орлова «доверила» ему «портфель служебных его бумаг, сохра-

нившихся в семействе Раевских», замечает в примечании: «Единственная дочь Михаила Васильевича Ломоносова была замужем за бывшим библиотекарем при императрице Екатерине, статским советником Алексеем Алексеевичем Константиновым, который имел двух дочерей: Екатерину Алексеевну и Софью Алексеевну—ныне вдову покойного генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского. Таким образом бумаги Михаила Васильевича составляли родовое наследие по женской линии»¹⁰.

Из этого рассказа явствует, что Ломоносовские бумаги—точнее «портфель служебных бумаг» Ломоносова—находились у Константиновых, от которых перешли к Раевским, чтобы наконец стать «родовым наследием» Екатерины Николаевны Раевской-Орловой.

В письме акад. Вл. Ив. Вернадскому последняя владелица «Портфелей Ломоносова», внучка М. Ф. Орлова и прапраправнучка Ломоносова Елизавета Николаевна Орлова, сказав о барском доме в Усть-Руднице и его библиотеке, следующим образом сообщает о хранившихся в нем бумагах: «Архива, собственно говоря, не было. Были связи семейных писем, главным образом второй половины прошлого века» и немного далее: «Что же касалось Ломоносова, было давным-давно уже разобрано Ек. Ник. Орловой, составившей из этих бумаг два больших переплетенных тома рукописей, озаглавленных «Портфель Ломоносова», в темнозеленой, почти черной коже; заглавие вытиснено золотыми буквами. Эти бумаги она давала рассматривать Буслаеву (кажется я не ошибаюсь; во всяком случае ответное письмо Буслаева (?) приложено было к переплетенным томам, но не приплетено). После смерти Ек. Ник. Орловой эти два тома поместились в нашей библиотеке. О них знал академик Сухомлинов, и в 1899 г. он просил нас одолжить их в отделение русского языка и словесности в виду переиздания сочинений Ломоносова. Я ему их выслала и имею ответное письмо его от ноября 1899 г. за № 185. В 1902 г. я сделала запрос в Академию и получила ответ от Александра Ник. Веселовского от 22 марта 1902 г. за № 278, в котором он просит еще оставить эти два «Портфеля» в пользовании Отделения, что я разумеется и сделала. После смерти А. Н. Веселовского я справлялась через знакомых у академика Шахматова о судьбе этих бумаг и снова узнала, что они целы и нужны. О них я Вам и писала в прошлом году. Я рада, чтобы они составили собственность Академии Наук». Несколько далее Орлова пишет: «Ни о каких Ломоносовских бумагах, находящихся у Орловых-Давыдовых, я никогда не слыхала». Ниже под п. 4 Орлова сообщает: «Совершенно ничего не знаю о том, куда могли деваться бумаги Ломоносова, кроме указанных, и не знала раньше, что в архиве гр. Гр. Орлова могут быть следы их». Еще ниже она говорит, что «у Г. Г. Орлова потомства, признанного законом, не было», что «от него происходят Бобринские, но у них ничего Ломоносовского никогда не было». Затем она вновь обращается к Орловым-Давыдовым и, сказав, что Давыдовы получили фамилию и титул «екатерининских Орловых» «на основании какой-то преемственности по женской линии», замечает: «Думаю, что это слишком слабая и поздняя связь с делами графа Григория Григорьевича, чтобы можно было ожидать найти в их архивах следы взятых им, как вы мне говорили, бумаг Ломоносова»¹¹.

О Ломоносовском наследии у Константиновых и Раевских, но уже не у Орловых, мы имеем и еще одно известие—от одного из графов Ностиц.

Григорий Иванович Ностиц в одном из своих писем к акад. М. И. Сухомлинову, работавшему над изданием сочинений М. В. Ломоносова, пишет: «...я забыл ответить Вам на Ваш вопрос: кем писан портрет Ломоносова и как он достался сыну. Александр Николаевич Раевский (мой тесть) говорил мне, что портрет-оригинал, достался ему от его отца Н. Н. Раевского (героя 12-го года), который был женат на дочери Константинова, а жена Константинова была дочь Ломоносова. Кто писал портрет, мне неизвестно. После смерти Раевского—он пережил дочь свою (мою жену) четырьмя годами—портрет, а равно богатый серебряный чайный сервиз, подаренный Ломоносову императрицей Елизаветой Петровной, достался по наследству сыну моему графу Григорию Ивановичу Ностицу»¹².

Относительно Ломоносовских бумаг в этом письме, как и в других сохранившихся письмах Ностица к Сухомлинову, никаких указаний нет. Не значит ли это, что их и не было ни у его сына, ни у его тестя, А. Н. Раевского?

Сопоставляя все сказанное, надо предположить, что в семье Константиновых хранились как рукописи и другие бумаги, так и портрет и сервиз Ломоносова, что вместе с рукою их дочери они перешли к ген. Н. Н. Раевскому-старшему и потом раздробились в его роде: портрет и сервиз достались его старшему сыну Александру Н., а бумаги его старшей дочери Екатерине Н. Орловой. Можно догадываться, что такое выделение бумаг Ломоносова Екатерине Николаевне Орло-

СУДЪ РОССІЙСКИ ПИСМЕНЪ.

Передъ
Разумомъ и обычаемъ.

отъ Грамматикъ
Представленъ.

Общай. Это зашумѣло? старѣе несутъ ни
поко лнмъ: вѣтъ зѣвъ и мѣстовъ. Кто
тѣмъ? Сторожа. Ма, сударь, бѣднѣйшій
которой заискуетъ въ томъ планѣ и сѣбѣ
показали хитрѣ, и одно слово вѣрнѣе
сѣмъ. Разумъ. Ничего Тогоже Граммати-
ка. Общай. Куда намъ досада! Она право
всѣхъ рѣш. Провѣряетъ, да и тамъ, на сѣмъ
правотисаніе неостанѣтъ. Разумъ. На
сѣмъ правотисаніе? Общай. Сударь, она и въ
тѣмъ сѣмъ. Разумъ. Это сѣмъ сѣмъ
защитой ласкѣмъ написанъ вѣрнѣе
Общай. Это въ сѣмъ? Если тамъ, то на
сѣмъ и вѣрнѣе ласкѣмъ вѣрнѣе
будетъ. Когда же мѣтъ Разумъ.
вѣрнѣе вѣрнѣе вѣрнѣе исправленъ и отъ
вѣрнѣе, и тамъ вѣрнѣе вѣрнѣе
защитѣ, и тамъ и у тамъ вѣрнѣе
вѣрнѣе вѣрнѣе вѣрнѣе. Непошлѣнъ
Тогоже ласкѣмъ и вѣрнѣе, старѣе
вѣрнѣе развѣрнѣе и вѣрнѣе вѣрнѣе
это и вѣрнѣе вѣрнѣе вѣрнѣе. Разумъ.
написано зашумѣло и вѣрнѣе сѣмъ вѣрнѣе
это вѣрнѣе, то вѣрнѣе вѣрнѣе вѣрнѣе.
и старѣе старѣе вѣрнѣе вѣрнѣе вѣрнѣе,
вѣрнѣе оно вѣрнѣе вѣрнѣе. Сторожа. Постой
сударь. Сударь не вѣрнѣе. Грамматика.
вѣрнѣе вѣрнѣе вѣрнѣе. Разумъ. Постой.

вой, в прямой обход обоих ее братьев, последовало по особому положению в семье и обществе ее мужа М. Ф. Орлова.

Принимая в соображение, что для выяснения вопроса о судьбах личного фонда М. В. Ломоносова мы в настоящее время располагаем, в сущности говоря, только сведениями о переходе от Константиновых к Раевским и через них к Орловым лишь той части Ломоносовских бумаг, которой усвоено имя «Портфелей Ломоносова», трудно ставить и решать вопрос о принадлежности тем же семьям других частей Ломоносовского фонда, например так называемого «Свиньинского» сборника и второй части «Мухановского» сборника Ломоносовских бумаг, а также некоторых документов академической коллекции «Lomonossoviana», основание которой было в свое время положено ненаучным с исторической и специально-архивной точки зрения выделением Ломоносовских бумаг из различных дел академического архива, например «черновых прошений Ломоносова об учреждении химической лаборатории, 1743 г.», и т. д.

Все же присмотримся к имеющимся сведениям, а вместе с тем и отметим глубокое различие в составе обоих названных сборников.

В заметке «Известие о вновь открытых рукописях Ломоносова» в следующих выражениях говорится о приобретении П. П. Свиньиным своего сборника с крайнею и конечно преднамеренною глухотою: «Один из добрых соотечественников моих, спешествующий усилиям моим к собранию Российского Музеума, доставил мне случай приобрести 500 листов своеручного письма знаменитого Ломоносова», — и только¹³. Кто этот «добрый соотечественник» — неясно. Неясно и то, от кого он «доставил» Свиньину «случай» приобрести такое огромное количество разнообразных бумаг Ломоносова. Повидимому сам же Свиньин переплел свои Ломоносовские бумаги вместе со своими же шлецеровскими в особый том-сборник. Состав Ломоносовской части этого сборника совершенно определенный: бумаги личного фонда М. В. Ломоносова. Бумаг Шлецера теперь в нем нет.

В отличие от «Свиньинского сборника», так называемый «Мухановский сборник» рукописей М. В. Ломоносова состоит из материалов двоякого рода: во-первых, в него входит 8 писем Ломоносова к гр. Ив. И. Шувалову, а во-вторых, по терминологии составителя описи к нему, «разные бумаги» — все характера черновых набросков или копий. Первые могли быть получены только от потомков или правопреемников гр. И. И. Шувалова; что же касается вторых, то они должны и могут восходить только к фонду самого М. В. Ломоносова. Очевидно П. А. Муханов объединил в одном томе-сборнике Ломоносовские бумаги разного характера и происхождения, — вероятно и от разных лиц полученные.

К сожалению от кого и как получили свои бумаги Ломоносова Свиньин и Муханов нам неизвестно. Неизвестно и то, от кого и каким образом приходили к их новым владельцам и другим отдельные документы Ломоносовского архива, кроме, впрочем, одного: небольшой «памятной записки» М. В. Ломоносова, ныне хранящейся в московской Публичной Библиотеке им. В. И. Ленина: в верхнем углу первой страницы записки имеется запись И. Е. Бецкого: «Получено от Н. М. Орлова, сына Мих. Фед.»¹⁴.

Н. М. Орлов — сын не только Мих. Фед. Орлова, но и принесшей в его дом «Портфели Ломоносова» Екатерины Николаевны Раевской-Орловой. Таким путем мы возвращаемся в ту же семью, которую недавно оставили, и к тем же источникам ее Ломоносовских богатств, с которыми мы уже имели случай встретиться и иметь дело.

Но если Е. Н. и М. Ф. Орловы обладали не только теми рукописями, которые первая из них изящно переплела и назвала «Портфелями», но и другими отдельными от них бумагами Ломоносова, не естественно ли сделать предположение, что именно к ним из семьи Раевских перешли и все остальные части личного фонда М. В. Ломоносова, еще находившиеся к моменту, когда переход стал возможен, в семье Раевских? Такое предположение мне казалось бы весьма правдоподобным. Датую их перехода надо повидимому считать брак Е. Н. Раевской с М. Ф. Орловым, в крайнем случае смерть Н. Н. Раевского-старшего. Закрываю так из того, что в 1840 г., когда Вельтман печатал отрывки из «Портфелей», последние принадлежали уже Е. Н. Орловой, а не вдове Н. Н. Раевского и ее матери С. А. Раевской¹⁵.

Поэтому я считал бы совершенно сообразною с обстоятельствами дела мыслью о приобретении Свиньиним и Мухановым Ломоносовских бумаг именно у Е. Н. и М. Ф. Орловых, — конечно за вознаграждение, что и покрыло источник приобретения тью, точно так же, как Вельтман или Пассек, конечно тоже за вознаграждение, приобрели у них же возможность печатания «служебных портфелей» Ломоносова.

Если искать других путей проникновения Ломоносовских бумаг в среду собирателей (Свиньин, Муханов и др., но не Бецкий, который получил свою «памятную записку» Ломоносова от Н. М. Орлова), естественно прежде всего подумать о наследстве того самого гр. Г. Г. Орлова, который в свое время опечата, а потом «выпросил» себе бумаги Ломоносова¹⁶. Однако все данные говорят за то, что у возможных наследников Г. Г. Орлова—его братьев и у их детей—Ломоносовских бумаг не было. Значит путь проникновения Ломоносовских бумаг через прямых наследников Г. Г. Орлова в среду собирателей остается недоказанным. Естественнее допустить их переход целиком от Константиновых к Раевским и от последних к Орловым.

Остается неясным вопрос о том, как они оказались у Константиновых. Не естественнее ли всего предположить, что библиотекарь императрицы, каким был зять Ломоносова, сумел их «выпросить», как некогда Орлов, хотя и в другом смысле, либо у него самого, либо у императрицы, купившей в числе прочего имущества Орлова и его библиотеку, в одной из комнат которой могла находиться и коллекция бумаг М. В. Ломоносова, как раз приходившегося тестем библиотекарю императрицы? Но тогда неясно, все ли бумаги тестя он сумел «выпросить» себе.

Сочинения М. В. Ломоносова издавались неоднократно, а некоторые из его произведений печатались не только много раз, но, можно сказать, многие десятки раз. Самое печатание сочинений Ломоносова началось повидимому летом 1741 г.,— по крайней мере 18 августа 1741 г. в «Примечаниях к Ведомостям на 1741 г.», чч. 66—69, была напечатана его «Ода, которую в торжественный праздник высокого рождения Всепресветлейшего Державнейшего Великого Государа Иоанна Третьего, Императора и Самодержца Всероссийского 1741 года Августа 12 дня веселящаяся Россия произносит»¹⁷. Чрезвычайно показательно для истории Академии Наук и биографии М. В. Ломоносова, что в августе и сентябре 1741 г. он сам и Академия его устами усердно и льстиво пели хвалу младенцу-императору, а уже в декабре этого года им пришлось с большой быстротой перестроить свой политический фронт и начать петь «дщерь Петрову», внезапно сменившую малютку-государя, «всеподданнейший раб» которого стал и навсегда остался «всеподданнейшим рабом» его счастливой удачею тетки. С осенних месяцев 1741 г. идет печатание и прозаических сочинений Ломоносова,—переводов чужих работ научного и практического характера—«О сохранении здоровья», «Продолжение о твердости тел», «О варении селитры». Так во второй половине 1741 г. М. В. Ломоносов прочно завоевал себе типографский станок Академии.

С этого года сочинения Ломоносова в стихах и прозе, литературные, политические и научные, заполняют собою два с небольшим десятилетия его активной деятельности в Академии и вокруг нее на разнообразных поприщах жизни. И после его смерти, в течение почти полутора столетий, шло печатание его и давно известных и вновь находимых произведений.

Не всегда это продвижение Ломоносовских сочинений в читательскую массу совершалось беспрепятственно. Наоборот, некоторые сочинения М. В. Ломоносова, как это ни может показаться на первый взгляд странным при его связях во дворце и правительстве, в свое время подвергались большому цензурным стеснениям: одни были совершенно изъяты из печати, другие получали в нее доступ лишь с большими пропусками. Так уже в первом издании сочинений Ломоносова, выпущенном в свет в 1751 г., отсутствуют некоторые его произведения, совершенно аналогичные тем, которые вошли в «книгу первую» этого издания; остается впечатление, что они были сознательно осуждены на забвение. Таковы: первая же ода в честь императрицы Елизаветы и ряд других произведений Ломоносова, в том числе конечно и оды, писанные этим недавним «всеподданнейшим рабом» кратковременному императору Иоанну III, политически невозможные в сборнике, изданном при Елизавете и проникнутом ее культом¹⁸; думается, что в условиях этого культа невозможно было и печатание стихотворения, посвященного низвержению теткой племянника-императора. Именно в этом смысле чрезвычайно показательно, что названные оды Ломоносова, кроме оды на победы имп. Иоанна III, напечатанной в «Сыне Отечества» за 1838 г.¹⁹, т. II, воскресли в русской печати только через почти 110 лет после их первого напечатания и притом в издании, которое никоим образом не было рассчитано на широкое распространение: в «Ученых Записках» Академии Наук по I и III отд. (III, СПб., 1855, стр. 270—290). И пожалуй еще показательнее, что даже после этого опубликования названных стихотворений в «Ученых Записках» Академии Наук, они опять оказались точно под каким-то спудом: по крайней мере их нет ни в одном собрании сочинений Ломоносова, вышедшем до 1891 г.,—только в этом году они были вновь опубликованы в I томе тяжело-

весного академического издания «Сочинений М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова». Лишь эта публикация раскрепостила их, и в 1893 г. они вошли в томик «Сочинений М. В. Ломоносова в стихах», вышедший под редакцией А. И. Введенского. Полнота их раскрепощения ясна уже потому, что этот томик составил так называемое «бесплатное» приложение к расчитанному на очень широкое распространение и действительно уже тогда достаточно широко и в самой разнообразной среде распространенному журналу «Нива». Политический запрет коснулся конечно не только этих трех стихотворений Ломоносова: такова же, даже еще тяжелее, была судьба его сатирического стихотворения «Гимн Бороде», которое не было напечатано ни при его жизни, ни после его смерти и только в том же академическом издании его сочинений, где были повторно воспроизведены его оды (ода имп. Иоанну III и первая имп. Елизавете), наконец увидело свет—почти чрез полтора века после того, как было написано. Несколько иная судьба преследовала замечательное «Рассуждение» Ломоносова «о размножении и сохранении российского народа», которое впервые было напечатано с большими пропусками В. Олиным в «Журнале Древней и Новой Словесности» за 1819 г., № 6, затем по другому списку, но также с пропусками в «Москвитянине» за 1842 г., № 1, повторено в Смирдинском издании «Сочинений» Ломоносова (1847), пополнено некоторыми из опущенных мест в «Библиографических Записках» за 1859 г., т. II²⁰ и только в 1871 г. издано целиком Н. С. Тихонравовым в его «Беседах» по новой рукописи, а затем в 1873 г. напечатано ак. П. П. Пекарским по неизвестному до того времени списку. Такова долгая и многострадальная история этого любопытнейшего произведения М. В. Ломоносова... Подозрительное отношение цензуры М. В. Ломоносов вызвал к себе двумя обстоятельствами: во-первых, известным не столько религиозным²¹, сколько церковным вольномыслием, и во-вторых, теми славословиями, с которыми он обращался к впоследствии низвергнутым императорам Иоанну III и Петру III; первое проникает собою его «Гимн Бороде» и «Рассуждение», второе имеет место в одах.

Первое собрание сочинений М. В. Ломоносова начало выходить только в 1751 г. под названием «Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михаила Ломоносова. Книга первая».

Состав первого «собрания», по которому в известной мере строились и другие, таков: «Оды духовные», числом 10, «оды похвальные» (так сказать, политические), числом также 10, «похвальные надписи» (произведения, в сущности говоря, также политического характера) числом 19 и вместе с ними одно «Слово похвальное» (т. е. политическая речь) имп. Елизавете. Это собрание Ломоносовских стихов и прозы конечно никоим образом не было полным: считая, что научные сочинения М. В. Ломоносова частью не были совсем предположены к переизданию, частью же относились на «книгу вторую» «собрания», надо отметить, что ряд произведений, которым было бы место именно в первой книге, в ней отсутствует, примеры чему приведены выше. Отсутствие некоторых стихотворений Ломоносова в этом издании в известной мере восполнялось опубликованием в нем «надписей», часть которых до того никогда напечатана не была.

Издание «Сочинений» М. В. Ломоносова, вышедшее в 1757 г., дает ряд новых его произведений в старых отделах и вводит новый отдел «Слова, в публичных собраниях Санктпетербургской Императорской Академии Наук говоренные», ранее представленный всего одним «словом похвальным... имп. Елизавете» от 26 ноября 1749 г. В число этих «слов» Ломоносов ввел главным образом не свои политические, а свои научные академические речи, некоторые из которых составили эпоху не только в русской, но и в европейской науке. Мы находим в числе их его знаменитые академические речи «О пользе химии», «О явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», с «Изъяснением надлежащим к слову о электрических воздушных явлениях», «О происхождении света, новую теорию о цветах представляющее» и «О рождении металлов от трясения земли»; к ним же оказалось при соединенным и общеизвестное «письмо»-трактат в стихотворной форме «О пользе стекла». Такого же новинкою, как они, в этом собрании сочинений был и замечательный трактат Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке», включенный в его первый том второго издания в виде «Предисловия». Второй том, вышедший в 1759 г., был целиком занят «риторикою» Ломоносова.

Посмертное издание сочинений М. В. Ломоносова, вышедшее в 1768 г., в своем I томе повторяет единственную «книгу первую» издания 1751 г., а во второй вводит длинный ряд новых его произведений,—новых в отношении не только к первому, но и ко второму изданию, однако с опущением всех ученых «слов» Ломоносова: «похвальные оды», «надписи», поэму и речь о Петре Великом и т. д.

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА ПЕРВОГО ТОМА ВТОРОГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ М. В. ЛОМОНОСОВА, ПРИГОТОВЛЕННОГО ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ И. И. ШУВАЛОВА И М. М. ХЕРАСКОВА (1757 г.)

Библиотека Академии Наук СССР, Ленинград

Следующее посмертное собрание сочинений М. В. Ломоносова, выходившее в 1775—1776 гг., также повторяет I том издания 1751 г., но во II томе даст ряд по преимуществу не входивших в предыдущие собрания произведений Ломоносова, и притом произведений весьма пестрого характера (ученые трактаты, программа по физике, политические «слова», стихи, трагедии, переводы из классиков и по астрономии,—и все без должного расчленения и какой бы то ни было группировки материала).

При таких условиях некоторым событием, в смысле внесения известной системы в самое размещение печатаемых сочинений М. В. Ломоносова, было издание его сочинений, вышедшее в 1778 г. под редакцией архим. Дамаскина, посвятившего свое «собрание трудов славнейшего российского писателя» «почтеннейшим господам Вольного Российского Собрания достойнейшим членам, о поправлении и обогащении российского языка старающимся» и с горделивою пышностью прописавшего в своем «посвящении» свой ученый титул. Он, за некоторыми изъятиями, объединил в «книге первой» своего издания «духовные» и «похвальные» оды Ломоносова и его «похвальные надписи», во второй повторил второй том издания 1776 г., а в третьей свел политические и научные «слова» Ломоносова, им «в публичных собраниях Санктпетербургской Императорской Академии Наук говоренные». Таким образом первый и третий тома издания приобрели некоторую принципиальную установку и ясность состава, но второй том продолжал оставаться в известной мере лишенным их. Следующее издание 1787 г. впервые именует себя «полным» и в самом своем заглавии обещает «прибавление» к тому, что уже печаталось, «многих нигде еще не напечатанных творений». И оно действительно ввело в свой состав ряд ранее никогда не печатавшихся сочинений М. В. Ломоносова, как и несколько таких, которые, хотя ранее и печатались, но в «собрания» его сочинений не вводились; таковы например помещенные в частях 4-й, 5-й и отчасти 6-й издания. В распределении материала меж отдельными томами оно выдержаннее предыдущих. Издание 1794 г. удержало состав и распределение материалов, данные в издании 1787 г., также и издание 1803—1804 гг. Вместе с тем продолжавшие выходить «собрания» «разных» избранных сочинений Ломоносова сохраняли колебания в своем составе и размещении Ломоносовских материалов.

Публикация новых произведений и бумаг Ломоносова, имевшая место в особенности во второй четверти XIX в., придала этим последним «собраниям» большую пестроту и в то же время сделала необходимым издание нового «полного собрания сочинений» Ломоносова. Оно и было предпринято А. Смирдиным в 1847 г. Его первый том дает «духовные» и «похвальные» оды, «похвальные надписи», «разные стихотворения», «прозу» (под каковым обозначением сокрыты печатавшиеся ранее в виде «предисловий» рассуждения Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке»²² и «Письмо о правилах российского стихотворства»²³), «слова похвальные», «письма разные» и «разные сочинения» (главным образом служебные бумаги Ломоносова по Академии Наук); его второй том дает «слова» Ломоносова научного содержания и «Первых оснований металлургии», а третий—работы Ломоносова по русской истории, грамматику и краткое руководство к красноречию; II и III тома этого издания были переизданы в 1850 г.

Последующие десятилетия представили несколько новых публикаций Ломоносовских текстов. Они, как и все предшествующее, были собраны и использованы в последнем по времени и доныне незавершенном новом академическом издании «Сочинений М. В. Ломоносова», предпринятом в 80-х годах XIX в. и начавшем выходить в 1891 г. Кроме текстов самого Ломоносова издание содержит обширные «объяснительные примечания», которые в вышедшей части издания принадлежат акад. М. И. Сухомлинову. В этом издании I и II тома заняты стихотворениями Ломоносова, помещенными в хронологическом порядке, без разделения по родам поэтического творчества, III том отведен трактату Ломоносова по русскому «стихотворству», «риторике» и «красноречию», том IV разделен меж работами Ломоносова по русскому языку и его «словами», приведенными в хронологическом порядке, без деления по содержанию, и наконец том V содержит в первой половине продолжение «слов» Ломоносова и во второй труды Ломоносова по русской истории.

Комментарии акад. М. И. Сухомлинова содержатся при всех томах «Собрания» и представляют собою кропотливые исследования и сводки разнообразных материалов к каждому печатаемому произведению Ломоносова, в том числе варианты его рукописей и изданий.

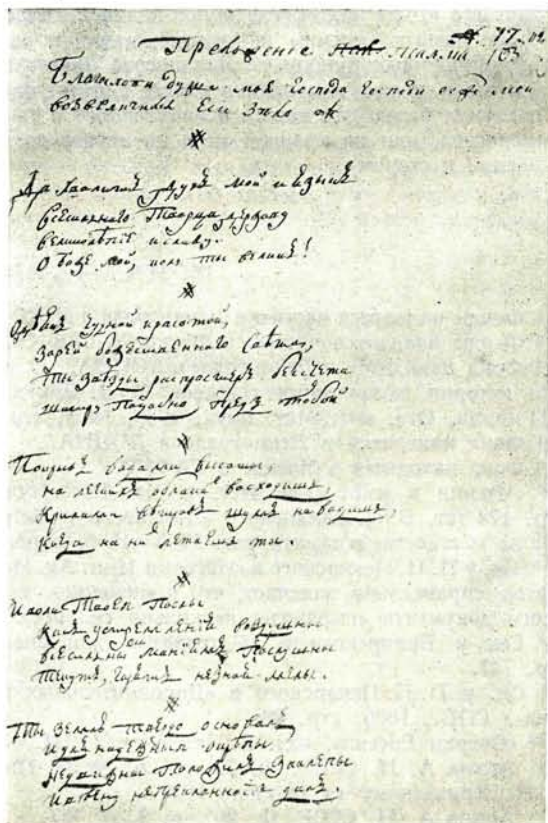
Однако продолжение печатания сочинений М. В. Ломоносова встретилось с неожиданными препятствиями, на очень долгое время сперва затормозившими, а потом и приостановившими все работы. Дело в том, что 8 июля 1901 г. умер редактор издания акад. М. И. Сухомлинов: лишь через 1½ года—в начале 1903 г.—Отделение русского языка и словесности смогло приступить к продолжению работ М. И. Сухомлинова и поручило редактирование VI и VII томов акад. В. И. Ламанскому, который только четыре с лишком года спустя получил возможность приступить к исполнению этого поручения. Но через несколько лет после того смерть В. И. Ламанского 19 ноября 1914 г., смена редакторов, война, смерть привлеченного к работе Ламанским Г. М. Князева сначала чрезвычайно затруднили, а потом совершенно приостановили трудные работы по этому изданию. Их возобновление связано с именем акад. В. И. Вернадского, который сумел поднять и поставить это почти погибшее дело²⁴. В настоящее время работы по изданию VI и VII томов ведет авторитетный историк химии проф. Б. Н. Меншуткин. Эти тома объединяют естественно-исторические сочинения Ломоносова, по преимуществу—латинские, всего за 30 работ; некоторые из них печатаются здесь впервые. Часть примечаний к VI т. печатается; остальные к нему и VII т. будут напечатаны дополнительно. К настоящему времени они еще не все составлены.

В том VIII и последний академического издания «Сочинений М. В. Ломоносова» предложено включить его служебные рапорты, доношения и другие документы и его же частные письма с необходимыми приложениями к тем и другим. При этом, в виду установленных недостатков и некоторой неполноты прежних изданий означенных документов, было предположено произвести их проверку в смысле их полноты и правильности воспроизведения в них Ломоносовских текстов по подлинным его рукописям и их им авторизированным копиям. Произведенные розыски и справки охватили прежде всего академическое собрание рукописей и документов Ломоносова, а затем фонд канцелярии Академии Наук и фонды некоторых других ее учреждений, при чем было взято на учет несколько сот документов. Кроме того поиски велись в некоторых других хранилищах, в особенности же в «Древлехранилище» Центрархива в Москве (ныне ГАФКЭ), где были изучены сенатские дела, относящиеся до Академии Наук, а также некоторые другие фонды; в них оказалось несколько документов, подписанных Ломоносовым и в процессе своего составления несомненно связанных с ним. Три письма Ломоносова оказались в «портфелях Миллера». Гораздо хуже обстояло дело с поисками в фонде Главной

Соляной Конторы, где по описи не удалось обнаружить ни одного Ломоносовского документа. Между тем поиски в этом фонде, как отчасти и в фонде Сената, велись в виду имеющихся в печати указаний на возможность нахождения в них писем Ломоносова к академику Юнкеру, его переводов для последнего и т. д. В виду ненахождения в них отыскиваемых материалов были пересмотрены сенатские «дела» по Главной Соляной Конторе, в которых однако также не было обнаружено ни одного документа руки Ломоносова или хотя бы к нему восходящего. Затем по разным признакам были изучены десятки книг сенатского делопроизводства, не связанных в своем происхождении ни с Академиею Наук, ни с Главною Соляною Конторою, но подававших надежду по своему заголовку или составу на возможность найти в них если не письма Ломоносова к Юнкеру и другие бумаги, относящиеся до их совместных занятий, то по крайней мере какие-либо конкретные указания на их судьбу,—но все эти работы остались безрезультатными. Позже поиски этих документов или хотя бы их слабых следов были возобновлены в Ленинграде, где в ЛОЦИА были просмотрены жалкие остатки многострадального фонда Главной Соляной Конторы, разгромленного еще в 1911 г.; такие же остатки этого фонда затем были изучены в некоторых других хранилищах Ленинграда, но нигде не нашлось ни отыскиваемых документов, ни каких-либо сведений о них. Равным образом ничего не дало и внимательное изучение «описи» уничтоженных дел Главной Соляной Конторы»²⁵.

Из собранных материалов многие представляют особенную ценность, потому что дают возможность восстановить работу Ломоносова над своими—главным образом служебными—письмами, к сожалению обычно оставляемую без должного внимания. Часть учтенных материалов доселе не была известна или, будучи уже зарегистрированной, не была еще напечатана.

В настоящее время оканчивается просмотр фондов и коллекций Архива Академии, в которых возможно встретить письма или близкие к ним документы Ломоносова, и организуются поиски их в тех хранилищах в СССР и за границей, где можно рассчитывать их встретить.

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ
 М. В. ЛОМОНОСОВА, „ПРЕЛОЖЕНИЕ
 ПСАЛМА 103“

Архив Академии Наук, Ленинград

Возможно, что в этот же том удастся включить и «Лифляндскую Экономию» в переводе Ломоносова, находящуюся в московской Публичной Библиотеке им. В. И. Ленина, представляющую огромный интерес, так как Ломоносов, судя по результатам предварительного изучения, не ограничился ролью переводчика и внес в свой перевод элемент своего понимания и своих деталей вопроса о строении хозяйства.

Комментарии к письмам Ломоносова должны дать подробное изъяснение обстоятельств, при которых письма были составлены; в этих целях в них должны быть включены письма к Ломоносову и некоторые другие документы.

Что касается приемов издания сочинений Ломоносова, то конечно только последнее академическое их издание может удовлетворить современного научного работника, да и то вероятно уже не всегда. Из старых изданий может быть наибольшую ценность в этом смысле и в свое время представило издание 1778 г.

Изданием названных трех томов академического собрания «Сочинений» М. В. Ломоносова дело обнародования литературного наследия Ломоносова будет поставлено на очень прочную почву и изучение его как поэта, разностороннего ученого, академического и государственного деятеля окажется очень облегченным. Но необходимость обращения к рукописным текстам Ломоносова конечно не исчезнет, особенно в тех случаях, когда воспроизведение его сочинений, бумаг или писем шло по черновикам или с их привлечением: так трудно в ученом, даже по-сухомлиндовски скрупулезном, издании предусмотреть все вопросы, с которыми перед воспроизведенным текстом встанет историк.

Поэтому вопрос о сбережении от всяких случайностей уже учтенного литературного наследия Ломоносова и о разыскании новых Ломоносовских текстов продолжает стоять перед всяким, кто занимается Ломоносовым, его временем или проблемами, так или иначе связанными с ним.

Пожелаем же, чтобы быстро завершилось дело сосредоточения в на редкость благоустроенном архиве Академии Наук СССР тех рукописей Ломоносова, которые находятся вне его и могут быть в него включены без нарушения каких-либо коллекций, фондов или единиц хранения, в составе которых они ныне находятся. Пожелаем и другого: чтобы как можно более полно и скоро был выявлен весь еще сокрытый в тьме разных фондов, коллекций, «дел» и других единиц хранения материал собственноручных рукописей Ломоносова и авторитетных копий с них.

Старые и новые накопления вместе с этими ожидаемыми счастливыми находками и послужат базой для нового исправленного и дополненного академического издания Ломоносова, или по крайней мере на первое время для частичных поправок и дополнений к старому.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фонды находятся частью в Ленинграде в ЛОЦИА, частью же в Москве в ГАФКЭ.

² Фонды находятся частью в Москве в ГАФКЭ, частью в Ленинграде в ЛОЦИА.

³ Фонд находится в Ленинграде в ЛОЦИА. О нем смотри у Н. И. Сидорова в ст. «Из истории мозаических составов М. В. Ломоносова» («Известия А. Н. СССР», VII серия, Отд. Физ.-Мат. наук, 1930, № 7, стр. 679—706).

⁴ Фонд находится в Ленинграде в ЛОЦИА.

⁵ Фонд находится в Москве в ГАФКЭ.

⁶ «Чтения в имп. О-ве Ист. и Др. Росс. при Моск. Универ.», 1865, I, Смесь, стр. 174 (ст. В. И. Ламанского «Ломоносов и Петербургская Академия Наук. Материалы к столетней памяти его: 1765—1865, апреля 4-го»).

⁷ См. у П. П. Пекарского в «Истории Имп. Ак. Наук», II, СПб., 1873, стр. 360—361. Автор справедливо замечает, что в «немецком подлиннике... заключение» Штелинского документа «выражено несколько сильнее».

⁸ См. у Билярского в «Материалах для биографии Ломоносова». СПб., 1865, стр. 747.

⁹ См. у П. П. Пекарского в «Дополнительных известиях для биографии Ломоносова». СПб., 1865, стр. 88.

¹⁰ «Очерки России», изд. В. Пассеком, II, М., 1840, стр. 8.

¹¹ Архив А. Н. СССР. Ф. 20, оп. 6, № 38. Письмо Елиз. Ник. Орловой к акад. В. И. Вернадскому от 14 июля 1929 г.

¹² Архив А. Н. СССР. Ф. 20, оп. 3, № 187.

¹³ «Отечественные Записки», т. XXXI, 1827.

¹⁴ «Отчет Публичного Румянцовского музея» за 1867—1869 гг., стр. 23.

¹⁵ См. названную статью Н. И. Сидорова.

¹⁶ Впрочем, соображая, что с 1825 г. начинается печатание ломоносовских материалов П. А. Муханов, а в 1828 г. к нему присоединяется П. П. Свиньин, полагаю возможным предпочесть первую дату второй. См.: выставка «Ломоносов и Елизаветинское время», VI, II, 1918 и Г. З. Кунцевич «Библиография изданий сочинений М. В. Ломоносова на русском языке», стр. 105—108.

¹⁷ Существует рассказ акад. Я. Штелина о напечатании в 1739 г. (судя по контексту его рассказа) «оды» Ломоносова «на победу над турками и татарами и на взятие Хотина», но ее издание, отдельное или в каком-либо повременном сборнике, относящееся ко времени до 1751 г., никогда, нигде и никем не было зарегистрировано, а в «делах» Академии нет о нем или о подготовке к нему никаких сведений. Равным образом нет возможности проверить указание Н. В. Губерти (III, № 39, стр. 142—144) на отдельное издание оды в честь дня рождения Иоанна Антоновича.

¹⁸ Любопытно, что эти оды были вырезаны из «Примечаний к СПб. Ведомостям» за 1741 г., где они были напечатаны.

¹⁹ Она была напечатана с некоторыми погрешностями.

²⁰ Автор заметки «Материал для будущего издателя сочинений Ломоносова», восстанавливая часть пропусков в издании Смирдина, писал: «Это любопытное сочинение... вероятно еще не скоро появится в печати в удовлетворительном и полном списке... Положения, высказанные Ломоносовым, хотя и не могут быть у нас приняты, тем не менее заслуживают внимания как мнения великого человека». См. «Библиографические Записки» 1859, II, стр. 345.

²¹ Религиозные, как и социально-политические, взгляды М. В. Ломоносова заслуживали бы гораздо большего внимания, чем то, которое им было оказано. Поэтому совершенно необходимо их изучение заново и методами более глубокого и вдумчивого вчитывания в Ломоносовские тексты и известия о нем (в том числе и о разнообразных фактах его биографии), чем доселе практиковалось.

²² Предисловием к первому тому издания 1757 г.

²³ С издания 1776 г. первым номером второго тома; в издании 1787 г., в первом томе, в составе предисловия, после «О пользе книг» и т. д.

²⁴ Одним из его помощников в этой работе был покойный М. Н. Буткевич (ум. 27 марта 1933 г.), известный революционный деятель в молодости, потом видный землец.

²⁵ Зато проведенные изучения дали некоторый материал для работ по такому своеобразному академику и деятелю русской государственной промышленности, как ученый и поэт Юнкер, неожиданно для всех из чистого гуманитария ставший выдающимся организатором соляного дела в России, особенно в районах Бахмута и Тора.